

Вспоминая это, я должна была догадаться, куда Лукас собирался меня отвезти.

Могила его матери была не просто клочком земли с надгробной плитой наверху. Это был мавзолей. Как и все остальное в особняке, он был построен из гранита, с крутой крышей и темно-синей черепицей.

«Вы знаете, мать родилась дочерью герцога. Когда она встретила моего отца, она влюбилась в него с первого взгляда, несмотря на то, что он был старше ее на десять лет. Судя по тому, что мне сказали, в то время он не был таким мрачным, как сейчас. Его считали, не поверите, невероятно обаятельным».

Окна были украшены витражами, образующими разные узоры и объединенными во множество цветов. Их обрамляли прочным деревом, выкрашенным в тот же синий цвет, что и черепица.

«Он был настолько обаятельным, что даже не рассматривал его как первый вариант для любой разумной барышни, ищущей мужа. Короче говоря, он был грабителем, но это только сделало его более популярным среди женщин. Когда мать влюбилась в него, ее отец уже скончался, и дядя стал новым герцогом. Она умоляла своего брата одобрить брак, несмотря на различие в их положении, к чему мой дядя был очень не склонен. И не только потому, что она хотела выйти замуж за виконта, несмотря на то, что была сестрой герцога».

Мы сидели на скамейке снаружи, глядя прямо на фасад мавзолея. Сад был полным и ярким. Откуда-то позади нас доносился фонтан, текущая вода и пение птиц доставляли ощущение покоя и очарования.

- Видишь ли, виконт до моего отца был наихудшим дворянином, о котором только можно подумать. Он был игроком, без морали и характера. Он выжал из семьи все богатство и оставил многие семьи, и города на грани нищеты. У него и моего отца не было хороших отношений, и последние годы его жизни он провел вдали от него. Когда они сообщили ему, что его отец умер, и он стал новым виконтом, он впервые за много лет прибыл на свои земли ... только для того, чтобы обнаружить, что все в беспорядке. До того как стать виконтом, он никогда не заботился о браке или о чем-либо в этом роде, но после этого он знал, что единственным решением возрастающей проблемы в стране было добыть деньги и получить их быстро».

«Так ... твой отец женился на твоей матери из-за денег?»

Лукас кивнул. Я была удивлена. Виконт был начинающим злодеем, поэтому многое из его прошлого или намерений не было полностью раскрыто. Конечно, будучи отцом двух главных героев, он время от времени упоминался как оказавший большое влияние на рост его сыновей, но кроме этого, никакая личная информация никогда не разглашалась.

«Дядя знал о репутации отца и предупреждал мою мать о нем, но она была убеждена, что его ухаживания и внимание к ней были искренними, поэтому несколько месяцев спустя они поженились, и мать официально была виконтессой в пустынной стране».

После этого он больше не разговаривал, и я не задавала никаких вопросов, просто обдумывая новую информацию в своей голове. Если виконт никогда не любил свою жену, то почему он с таким рвением пытался ее оживить? И эта мысль привела меня к следующему вопросу. Зачем ждать до самого последнего момента, чтобы начать ритуал? Это был буквально их последний шанс заполучить ее. Если это не удастся, даже ждать следующего полнолуния с другой подходящей жертвой будет бесполезно. В конце концов, она никогда больше не будет целой.

«Несмотря на все это», - продолжил Лукас после долгого молчания. «Я действительно верю,

что отец, так или иначе, полюбил мать. Насколько я помню, я никогда не видел матери грустной или сердитой. Она всегда была счастливее, когда была с отцом. И отец тоже, он был мягче, спокойнее. Может быть, это была любовь, а может, и нет, но они уравнивали друг друга, извлекали лучшее из друг друга, даже если это было только для того, чтобы другой мог видеть. Знаете, мама научила меня играть на пианино. Отец ненавидит, когда я играю».

«Зачем ты мне все это рассказываешь?» - спросила я его, повернув голову, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. Лукас не двинулся с места, его глаза остановились на мавзолее перед нами, но я продолжала настаивать. «Вы все еще пытаетесь убедить меня, что пожертвовать своей жизнью ради счастья других - благородный поступок, которым я должна гордиться?» - язвительно выпалила я.

Лукас покачал головой. «Думаю, я просто хотел, чтобы ты знала», - ответил он, пожимая плечами, что удивило меня. «Если честно, большая часть того, что я знаю, - это информация из вторых рук, слухи и тому подобное. Мои отношения с родителями не были... такими уж хорошими. Возможно, я плохой человек, если скажу это, но если быть полностью искренним, возродится мать или нет, меня это не волнует».

"Как? Почему?" Я не могла не спросить. Он снова пожал плечами.

«Она научила меня играть на пианино, и иногда она пела мне колыбельные и читала сказки перед сном, но... как бы это сказать, я всегда чувствовал некую дистанцию между нами. Матиас был зеницей ее глаз. Она совершенно не колебалась, оказывая ему внимание, но я всегда был на стороне, ребенок, о котором, когда вспоминают, о нем заботятся, а когда нет, игнорируют».

Я моргнула, впитывая информацию. Мне показалось действительно странным, что мать проявляет такой фаворитизм по отношению к одному ребенку, и на секунду я задумалась, не только ли предвзятое восприятие Лукаса привело его к такому выводу. Как бы я ни пыталась вызвать воспоминания из манги, где Лукас рассказывал о своих отношениях с матерью, я ничего не могла вспомнить. Матиас время от времени говорил о ней, но Лукас никогда о ней не упоминал. Ни разу.

Так может быть, это было из-за этого. Из-за восприятия Лукасом его отношений с матерью. Я не могла помочь, но мне было грустно, что он так думает. Конечно, все матери одинаково любят своих детей, и Лукас просто включил настоящую благосклонность своего отца к старшему брату с любовью матери к своим детям.

Это могла быть возможность.

Но тогда, если он так думал, остался один вопрос. «Тогда почему ты хочешь пожертвовать мной, если тебе наплевать на свою мать?»

Лукас напрягся и глубоко вздохнул, позволяя мышцам расслабляться с каждой секундой выдоха. Когда он ответил, его голос был хриплым. «Это важно для Матиаса».

И другой причины не было. На мгновение мне хотелось рассердиться на него, но потом я успокоилась. Конечно, старший брат был для него всем. Если для Матиаса было важно вернуть свою мать, то Лукас собирался придерживаться этого, даже если это означало попрание собственной морали.

Это то, что он все время хотел мне сказать? Не в этом ли была настоящая причина его дихотомии? Если так, то это было действительно больно как для него, так и для меня. И это

заставило меня кое-что понять. Я не собиралась убеждать его помочь мне сбежать. Эта мысль принесла с собой волну ужаса, парализовав меня на сиденье, и мне пришлось с трудом дышать. Потому что, если он не собирался мне помогать, как я реально собиралась выбраться отсюда живой?

Лукас встал, не обращая внимания на мою текущую тревогу, и, не произнося ни слова, сорвал цветы в саду. Я не могла распознать, что это были за цветы, и, честно говоря, я была слишком занята гипервентиляцией, чтобы обращать настоящее внимание на то, что он делает, но затем он продолжил идти, проходя рядом со мной к мавзолею. Он остановился у входа, наблюдая за внушительным зданием в течение нескольких секунд, прежде чем положить цветы на первые ступеньки небольшой лестницы, ведущей к входной двери.

Он встал на колени, соединив ладони в небольшой молитве, и я начала постепенно успокаиваться. Если Лукас не мог помочь, наверняка были другие варианты. Всегда был другой вариант. Во-первых, я уже исходила из предвзятого мнения, что он не собирается помогать, из-за чего я так волновалась?

А потом это пришло ко мне.

«Лукас», - позвала я его, когда он встал. Я сделала то же самое, быстро приближаясь к нему. Его лицо было угрюмым, его лицо было мучительным, но я проигнорировала все это, когда я взяла его руки в свои и одарила его самой яркой улыбкой. «Пора уже обедать. Поешьте со мной, а потом вернемся в музыкальную комнату. Я хочу больше послушать, как ты играешь».

Он нахмурился, посмотрел на наши соединенные руки и снова посмотрел на меня. «Элейн...?»

«Давай, пока солнце не стало жарче. Может, пообедаем на моем балконе? Зрелище было бы великолепным».

«Элейн», - позвал он снова, но я проигнорировала его, потянула его за руку и заставила следовать за мной.

Это было так просто. Если Лукас не собирался мне помогать, тогда мне нужно было обратиться к единственному человеку, имеющему реальную власть над этой ситуацией.

Я буду умолять некроманта сохранить свою жизнь. И для этого мне нужна была помощь Лукаса и вся информация, которую я могла выжать из него.

<http://tl.rulate.ru/book/40404/1118864>